

чуть заостряется, загибается с помощью другого бревна, сушится у костра (...) Приклеенный мокрый камус сушат на заготовке. Получаются широкие лыжи (...) Вот такие лыжи и есть *мэрэтэ*» (А. Мифтахутдинов. Воспоминание о Крабовой реке). Лексико-семантический центр контекста выражен словом *мэрэтэ*. Содержание контекста составляет детальное описание изготовления самой реалии. Этим подробным описанием дается представление не только о трудовом процессе, требующем высокого умения, сноровки и опыта, но и о важности данного предмета для охоты — древнего промысла северных народов. Практическая значимость реалии оказывает воздействие на смысловую значимость слова в данных условиях контекста.

Другой пример касается использования национальной лексемы, не связанной с «вещественными» реалиями: «*Пыныль* — весть — не вызываю как хорошего духа для беседы и откровений. Она сама какими-то неизвестными путями вселяется в людей и тревожит умы. Вести облетают тундру, словно у них есть крылья и быстрые ноги, не знающие преград и бездорожья. *Пыныль* может быть маленькой, как только что родившийся мышонок. Вздуроражит людей на день-два и юркнет в норку, забудется. Может быть очень большой, как умка, и тогда годами держится в стойбищах, забываясь на некоторое время и снова возвращаясь (...) Встретятся два человека в тундре, сообщат друг другу новости, и летят вести в разные стороны, расходятся, как волны по кругу от брошенного в воду камня» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек). По своему стилю контекст сближается с лирическим отступлением. В первое же предложение вводится русская параллель к чукотскому слову *пыныль*, которое, как и *мэрэтэ* в первом примере, составляет лексико-семантическое «ядро» фрагмента. Вместе с тем слово *пыныль* приобретает отчетливую стилевую маркированность, не отмеченную в отношении *мэрэтэ*. Экспрессивно-эмоциональный оттенок создается благодаря активному использованию сравнений, основанных на реалиях окружающей природы.

Мы привели два контекста — разных по своему содержанию и стилевым особенностям — как иллюстрации целенаправленного и уместного употребления национальной лексики, которая, хотя и имеет близкие по смыслу параллели (широкие лыжи, весть), но обладает своей характерностью, проявляющейся в условиях русскоязычного художественного текста.

В целом по отношению к лексике языков народов СССР проблема взаимодействия русского языка и языков национальных может быть поставлена не только в аспекте систем, но и в аспекте функциональном, ибо иноязычное слово вступает в самые тесные семантические и стилевые контакты с тем русским текстом, компонентом которого является. Именно сфера многонациональной советской литературы содержит бесспорные доказательства обширных и многообразных форм взаимовлияния русского и национальных языков в области лексики. Исследования в этом направлении должны в значительной степени восполнить тот пробел, который отмечается в отечественном языкознании: «К сожалению, влияние нерусских языков народов СССР на русский еще изучено специалистами недостаточно, а между тем и на лингвистических фактах можно было еще глубже и разностороннее вскрыть исторические корни совместной жизни, и борьбы народов нашей страны, их сотрудничества и взаимовлияния, в том числе объективные причины растущего воздействия русского языка на другие языки» [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров И. У. Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма. Ташкент, 1982.
2. Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980.